ВЛ. ПЯСТЪ.

ПОЭМА ВЪ НОНАХЪ.

ИЗДАНІЕ ПЕГАСЪ ТОВАРИЩЕСТВА

МОСКВА—1911.

Вл. Пястъ.

ПОЭМА

въ нонахъ.

ИЗДАНІЕ
Т-ва „ПЕГАСЪ“.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЭЛЕКТРО-ПЕЧАТНЯ
Т. Д. Энъ-Янковъ и К°.
МОСКВА, Тверская,
Благовѣщенскій пер.,
д. № 3.

Поэма въ нонахъ.*)

Давно порадовать цѣнителей пера
Хотѣлось мнѣ своей серьезною поэмой.
Лирическихъ стиховъ прелестная игра
Одной споконъ вѣковъ томительною темой
Мнѣ надоѣла: ихъ душа всегда стара;
А къ вѣчной юности и къ вѣчной красотѣ мой
Стремится духъ. Кончать октаву мнѣ пора,
Но я обычнымъ здѣсь не подчинюсь законамъ,
И новые стихи расположу по НОНАМЪ.

Разсказъ мой въ трехъ словахъ изобразить легко:
Младенцемъ я былъ хилъ, болѣзненно способенъ;
Я юношей ширялъ мечтою далеко,
И былъ какъ Донкихотъ безпеченъ и беззлобенъ;

---

*) «Нона» — строфа — традиціонная октава, увеличенная на одинъ стихъ.

Натура нервная, я принялъ глубоко
Все, чѣмъ въ Россіи годъ усобицъ былъ утробенъ
(Годъ Витте, Дурново, Иванова и К.°);
Въ чужихъ краяхъ меня загрызла до психоза
Тоска по родинѣ. Все умственно и проза . .

О «Жукъ»*). Тебѣ строфу всецѣло посвящу,
О, неизмѣнный Жукъ, товарищъ лучшій дѣтства.
Какъ часто и теперь по вечерамъ свѣчу
Зажгу я и въ кроватъ беру свое «наслѣдство»,
(Зажиленъ мною томъ, хотъ книгъ я не свищу);
Невинный разговоръ, невинное кокетство
Впиваю радостно, сіяю, трепещу,
И съ вами я живу, о Куликовъ, Клейнбаумъ,
Причастный всѣмъ дѣламъ, и спорамъ, и забавамъ.

Но мнѣ иной толчекъ былъ данъ при чтеньи вслухъ
«Убійства въ улицѣ» безсмертнаго Эдгара;
И крался по утрамъ я, затаивши духъ,
Ко шкапу, гдѣ томовъ миніатюрныхъ пара
Стояла; межъ другихъ—ихъ было много—двухъ,
Лишь двухъ искалъ; лишь въ нихъ неотразима чара;

---

*) «Жукъ», романъ для дѣтей А. Я. Бабикова. Въ немъ фигурируютъ: Куликовъ, Клейнбаумъ, къ которымъ Сеничка не можетъ подыскать иной риѳмы, кромѣ «Ораніенбаумъ».

И въ мірѣ ко всему я становился глухъ,—
Одними ими жилъ: въ нихъ было все, другое,
Ни съ чѣмъ не сходное; святое; дорогое.

О, это былъ и умъ другой—не вамъ чета,
Умишки важные напыщенныхъ ученыхъ.
Въ немъ только небеса; въ немъ только простота;
Онъ видѣлъ міръ до дна — во всѣхъ его законахъ;
Въ Явленіи предъ нимъ такая красота
Раздвинулась, какой не зрѣлъ никто изъ оныхъ
Присяжныхъ геніевъ отъ гипса и холста;
Но вы «цѣнители» всего, что непривычно,
Нашли, что слишкомъ По смотрѣлъ «геометрично».

И съ той поры Эдгаръ — моихъ «властитель думъ»,
А я его огня носитель неземного;
Спукалась лѣтомъ ночь; ложилась пыль, и шумъ
Смолкалъ отъ суеты и торжища дневного,
— Другой вздымался шумъ, — и вихрился самумъ
Въ душѣ отъ призраковъ смятенія ночного.
Во всемъ величіи вставалъ небесный умъ,
И поражалъ меня, охваченнаго дрожью,
И въ вѣрѣ склоннаго всегда къ единобожью.

Вамъ, шахматы, хвала, священная хвала!
Хвала премудрому сплетенью комбинацій!

Вы царство чистоты, гдѣ нѣтъ добра и зла;
Торжественный языкъ, единый сотнямъ націй;
Вы безконечный міръ, гдѣ краскамъ нѣтъ числа,
Гдѣ самодержецъ Умъ воздвигъ чертогъ для грацій;
И дѣтская тропа въ тотъ міръ меня ввела,
И міру этому я нынѣ всѣмъ обязанъ,
Чѣмъ дорожу; живу; освобожденъ и связанъ.

Кто уловилъ тотъ мигъ, когда за бытіемъ
Иное бытіе раскроется нежданно?
Когда смѣшно тебѣ глядѣть на этотъ домъ.
И на людей смотрѣть забавно, дико, странно?
Особенно ты самъ себѣ такъ незнакомъ
Становишься тогда, — а даль-то, даль безгранна,
Пронизана она слѣпительнымъ лучемъ,—
Но ты не зришь насквозь — лишь видишь: какъ твой теменъ
Обычный горизонтъ; и мнишь: какъ былъ ты скроменъ!

Довольствоваться могъ той узкою межой,
Что здѣсь вела тебя въ тѣснинахъ человѣчьихъ,—
Когда ты самъ всему, что видится, чужой,—
Когда не на земныхъ ты говоришь нарѣчьяхъ!
Среди другихъ рабовъ, довольный Госпожой,

Зачѣмъ, покорный рабъ, не пробовалъ увлечь
ихъ,—
Зажечь ихъ на мятежъ, — не малый, но
большой,—
Такой, чтобъ рухнулъ гнетъ, чтобъ рух-
нули твердыни,
Твердыни формъ и чувствъ, — подъ нати-
скомъ гордыни?

«Безвластье тайное»!*) Тебя я пережилъ,
О, не разсудкомъ, нѣтъ. Но въ странномъ
откровеньѣ.
Я помню этотъ день. Нашъ классъ гулять
ходилъ;
Мы вдоль Фонтанки шли, тягучей цѣпи
звенья.
Вдругъ я замедлилъ шагъ, меня остановилъ
Тотъ непонятный лучъ — на малое мгно-
венье.
Онъ существо мое надолго обновилъ,
И навсегда съ тѣхъ поръ мой обратился
разумъ—
Къ чему нѣтъ доступа, — что намъ дано
экстазомъ.

Тогда съ рожденія двѣнадцать только лѣтъ
Я прожилъ на землѣ заманчиво огромной;
Но я ужъ былъ тогда мыслитель и поэтъ,
Поэтъ безобразный, безкрасочный и темный;
Еще не осѣнилъ меня безбрежный свѣтъ,
И былъ скиталецъ я, — угрюмый и без-
домный;

*) Вольный переводъ Террина «Мистическій анархизмъ».

Предчувствіе одной я вкладывалъ въ сонетъ;
Но воспѣвалъ другихъ, и страстно, и злорадно,
Къ недолжному стремясь порывисто и жадно.

II.

Теперь перенесусь въ иныя времена.
Тамъ, въ длинной комнатѣ кипитъ еще собраньe.
На мягкой мебели у узкаго окна
Сидятъ говоруны. Ихъ сонное стараньe
Солгать по новому — забавно. Не смѣшна
Одна фигура мнѣ. Въ движеньяхъ что-то ланьe.
Испугана она кощунствомъ, но гнѣвна.
И вотъ онъ одѣвается въ передней,
Стремительно уйдя отъ горькой лжи послѣдней.

Мы съ нимъ спускаемся, и вотъ ужъ на снѣгу,
И вотъ уже бѣжимъ, — онъ въ мѣховой шинели,
Она распахнута, и только на бѣгу
Онъ запахнулъ ее, волнуясь, на панели:
«Я слушать рѣчи ихъ такъ долго не могу.
«Въ потугахъ лжи своей они окоченѣли».
— И здѣсь опасность есть!! — «Себя я берегу.»
И вынулъ револьверъ движеньемъ граціознымъ,

Естественнымъ, живымъ, законнымъ и угрозным.

Тяжелый револьверъ и отблескъ фонаря
На лбу возвышенномъ и мягкомъ подбородкѣ.
Ты поздній на землѣ, — Послѣдняго Царя
Предтеча ранній ты, нахмуренный и кроткій.
Свершаемъ краткій путь, о многомъ говоря;
Но вижу я въ твоихъ и жестахъ и походкѣ,
Что ты идешь — летя, что ты живешь — горя;
Что на большомъ пути ты перешелъ и кряжи,
Но ноги на землѣ твои въ паучьей пряжѣ.

Еще не разъ его видалъ я въ тотъ пріѣздъ,
То онъ съ извозчика встрѣчалъ меня улыбкой,
То утромъ видимся,— къ жильцу волшебныхъ мѣстъ,
Бывало, попадемъ и онъ и я ошибкой.
И вотъ онъ говоритъ: «Боюсь, Вамъ надоѣстъ.»
И раскрывалъ тетрадь; вставалъ подвижный, зыбкій.
То молніи металъ — и чудились окрестъ
Раскаты грохота — а онъ скользилъ по строчкамъ.
Такъ Доннаръ высѣкъ громъ на сценѣ молоточкомъ.

То просіялъ зарей—и вотъ лучи легли
На стѣнахъ, на коврѣ, на креслахъ, на ро-

ялиз... ...ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. Ленина

И, обратясь ко мнѣ: «Вы мнѣ бы помогли.
«Вы съ Н-скимъ хороши, вы часто тамъ бывали,
«Онъ не обидится?» Изъ трепетной дали
Его слова, какъ сонъ, какъ радуга сверкали.
О люди, вы его такъ плохо берегли.
Въ отвѣтъ я промолчалъ, смутившись обращеньемъ:—
Я самъ къ хозяину явился за прощеньемъ.

Теперь ты спутанъ весь, — о ты, который былъ
Какъ небеса воленъ, какъ небеса безкраенъ!
— Молчанье нарушалъ и долго говорилъ
По поводу статьи-другой изъ насъ, хозяинъ.
Онъ тоже зналъ, что мы; теперь, увы! забылъ.
Античной статуей изъ мрамора изваянъ,
Онъ статуей застылъ. — Тогда еще онъ жилъ,
Тогда еще умѣлъ на кожаномъ диванѣ
Сидѣть и говорить и въ томъ, и въ этомъ планѣ.

На вечеръ въ тотъ же день мы вновь пришли туда.
Онъ въ черномъ сюртукѣ явился изъ послѣднихъ.
Поэтовъ молодыхъ вставала череда,
И въ оскорбительныхъ раскатывалась бредняхъ.
Былъ крошечный сатиръ, и былъ большой балда,

Занявшій нынѣ постъ Парнасскій изъ передних:
По вкусу публикѣ пришлась его вода;
Мы въ вечеръ тотъ пришли отъ оной въ восхищенье,
Къ развязности его скрывая отвращенье.

Но сѣли всѣ тогда поэты на бобахъ,
(Пришедшій поздно — нѣтъ), — когда хозяинъ драму
Прочелъ послѣднею. Въ магическихъ стихахъ
Кошмарныхъ развернулъ онъ мыслей панораму.
Кощунство было въ ней. И обнялъ ѣдкій страхъ
Внимавшихъ: оскорбилъ Прекрасную онъ Даму.
Онъ кончилъ. Всѣ молчатъ. И вдругъ могучій бахъ
Понесся съ клавишей разбитаго рояля,
И души укрѣпилъ, велича и печаля.

Въ тотъ памятный сезонъ то былъ послѣдній сборъ:
Въ тотъ день триумвиратъ уѣхалъ за-границу;
Зарылся въ книги нашъ хозяинъ съ этихъ поръ
И всю весну смотрѣлъ на сѣрую страницу.
Въ М. проводили б. И съ публики поборъ
Взиматъ Развязный сталъ. Такъ жалкую блудницу
Тиранитъ свѣжій котъ. Ему я не въ укоръ:

Въ комъ мощь — тотъ верхъ беретъ. Кто этой мощи ищетъ
И мечется, — тому толпа по праву свищетъ.

И мнѣ готовила наставшая весна
Въ края далекіе желанную поѣздку;
Но встрѣча до нея была мнѣ суждена,
Обязанъ ею я глухому перекрестку.
N. N. и я сошлись. И цѣль была одна:
«Здѣсь не живетъ ли И.» Теперь, судьбѣ въ отместку,
Благодаря N. N. душа обновлена. —
Надъ нами рокъ шутилъ, сводя насъ въ ночь глухую,
Но этимъ навсегда сомкнулъ онъ цѣпь благую.

Вотъ я готовъ въ отъѣздъ. Дня оставалось три,
Но въ эти дни мой взоръ пытался взять все шире.
И я пошелъ на зовъ. — Тяжелыя драпри
Откинулись, легли. Насъ въ комнатѣ четыре:
Двѣ дѣвушки, N. N. и я. «N. N., запри
«Всѣ двери къ намъ. Пускай въ отдѣльномъ будемъ мірѣ.»
И два часа подрядъ живемъ мы какъ цари.
Я съ ними въ первый разъ. Но вмѣстѣ хоромъ стройнымъ
Поемъ стихи мы, данъ платя однимъ достойнымъ.

То вышелъ вѣщій хоръ. И ярче всѣхъ слова

Славянскаго пѣвца о Самоутверждень ѣ.

Простился. И душа свободна и права
Была какъ никогда. Доселѣ въ заблужденьѣ
Она бродила. Днесь была вольна, жива.
И я пошелъ туда, гдѣ въ цѣпкомъ огражденьѣ
Меня ждала ОДНА, клонясь на кружева.
«Теперь, иль никогда!» шепнувъ, вознесъ хвалу я, —
И первый, первый, сжалъ уста для поцѣлуя.

Мы замерли въ торжественномъ обѣтѣ
Мы поняли, что мы — Господни дѣти.
Да, въ этомъ мірѣ мы отдѣльно — я и ты; —
Но будемъ тамъ въ ОДНО таинственно слиты.

Ты храмъ Ему въ моей душѣ воздвигла,
Возможность невозможнаго постигла.
Возможность полноты, единства бытія
И мнѣ позволила постичь любовь твоя.
Какъ далеки опалыя минуты.
Какъ намъ легки земли суровой путы.
И все однимъ лучемъ — нездѣшнимъ — залито,
И лишь одна мольба: «О Господи. За что,
«За что Ты полюбилъ насъ на разсвѣтѣ.
«Что сотворили мы, слѣпыя дѣти?»

На пути.

I.

Въ портретныхъ уловивъ чертахъ
Тебя живую, Мона,
Заснулъ я въ нѣжащихъ толчкахъ
Уютнаго вагона.

И я проснулся въ тотъ же часъ,
Въ который встало солнце;
Направо — лунный серпъ угасъ,
Налѣво — такъ манило глазъ,
Все въ отблескахъ, оконце.

Я подошелъ къ нему. Смотрѣлъ,
Какъ тамъ, за полемъ чистымъ,
Огромный шаръ вставалъ, горѣлъ;
Былъ алымъ и лучистымъ.

И даль волнистая слилась
Съ инымъ, далекимъ полемъ;
Ты, вся разсвѣтная, зажглась,
Съ земли росистой поднялась,
Вся созерцанью отдалась,
Восторгу, тайнымъ болямъ.

Давно встрѣчала ты восходъ
— И съ нимъ была одно ты;
Теперь со мною ты, — и вотъ
Тотъ самый, первый твой восходъ
Съ тобою встрѣтилъ кто-то.

Остановка.

II.

...Какъ съ фонтана искрящихся струекъ
Ниспадаетъ небрежная вязь, —
Такъ узоры цвѣточковъ-чешуекъ
Мнѣ кидаетъ береза, склонясь.

Протянулъ къ ней увѣренно кисть я —
И въ рукѣ эти змѣйки дрожатъ;
А стыдливые, клейкіе листья
Ужъ меня ароматомъ дарятъ...

Пусть подскажетъ древесная завязь
Той, кому я въ письмо заверну, —
Что въ дорогу-разлуку направясь,
Я всегда вспоминаю Одну.

—

Пріѣхалъ подъ вечеръ я въ царственный Берлинъ.
(Не видѣлъ Запада, — такимъ онъ показался).
Вотъ принялъ насъ вокзалъ, желѣзный Исполинъ;
Въ его объятіяхъ нашъ поѣздъ такъ и сжался.
Съ французомъ-спутникомъ, агентомъ фирмы винъ,
Простился, и одинъ съ носильщикомъ остался.
— «Куда?» — Въ Саксонію. — «Вотъ дрожки!» — Что за сплинъ

Схватилъ меня! — мелькнулъ отель, гдѣ жилъ знакомый,
А крикнуть «Halt!» не смогъ я, кучеромъ влекомый.
И вотъ — безвольнаго, затертаго въ толпѣ,
Извозчикъ на другой вокзалъ меня доставилъ,
Носильщикъ вещи взялъ и снесъ уже въ купэ;
Потребовавъ билетъ — отъ словъ меня избавилъ. —
Я вновь въ вагонѣ. Такъ, въ нагорьѣ по тропѣ
Взбираясь, разъ скользнулъ — и славно позабавилъ
Глазѣющій народъ — и не на чемъ стопѣ
Опору взять себѣ — и катишься, доколѣ
Къ подножью спустишься, — собой невластный болѣ.

О Дрезденъ. Яркіе весенніе три дня
Тобой заполнены въ волшебной жизни-сказкѣ;
Тамъ болѣе чѣмъ міръ раскрылся для меня.
Очамъ представились неснившіяся краски.
Тамъ, утренній восторгъ лелѣя и храня,
Въ путеводителѣ не ждалъ себѣ указки
И тотчасъ въ Цвингеръ шелъ. Волнуя и пьяня
Венеціанцевъ лесть казалась мнѣ бездонна
И вѣчно дѣвственна Сикстинская Мадонна.
Я посѣтилъ музей на берегу рѣки,
Собраніе киверовъ и трубокъ трехъ поэтовъ,

И къ книгѣ приложивъ печать моей руки
Ушелъ, растроганный отъ искреннихъ привѣтовъ
Почтенныхъ сторожей. Зачахли старики,
Одни, — межъ Schiller's Muth и Körner's пистолетовъ.
А я заглядывалъ въ другіе уголки,
И, — вновь единственный музея посѣтитель,—
Смотрѣлъ какъ высится Родэновскій «Мыслитель».

Я музыки плохой цѣнитель былъ всегда;
Мнѣ опера смѣшна; я слушать не умѣю.
Но въ Дрезденѣ подрядъ въ двухсотый разъ тогда
Въ театрѣ царственномъ давали Саломею.
И я рѣшительно направился туда.
Младенческій восторгъ мой выразить не смѣю;
Боюся знатоковъ пощады, не суда.
Но до сихъ поръ въ мозгу стоятъ Саломэ крики —
«Йоканаанъ!»—и жгутъ законченные лики.

Но дальше въ путь. И вновь феерическій бангофъ
Глотнулъ меня, какъ китъ въ былые дни Іону, —
И выпахнулъ. Лечу межъ траурныхъ холмовъ,
А наверху луна летитъ по небосклону.
О, горы лунныя....

Плѣнительныхъ стиховъ
Пѣвца, что вѣчный гимнъ сложилъ вамъ,
я не трону.
Хочу и впредь пребыть безъ сладостныхъ
оковъ
Поэзіи чужой, какъ былъ до днесь. Не рано
Намъ всѣмъ учиться пить изъ своего ста-
кана.

IV.

Im englischen Garten.

I.

Сквозь пыльную, еще стыдливую листву,
Чудное облако вырѣзывалось ярко,
Играя красками, вонзаясь въ синеву,
Разнообразя фонъ для вышитаго парка.

Китайскій замокъ, прудъ, и лебеди, и арка,
И гротъ — передо мной предстали на яву;
Хоть были люди здѣсь, — все жъ дѣвственнаго парка
Я первый попиралъ упругую траву.

Какъ талисманъ, въ рукѣ я несъ твое
письмо;
Ты въ немъ жила, дышала и дрожала, —
И все, что видѣлось, оно преображало.

О, я достоинъ былъ волшебнаго подарка!
На мозгъ мой наложилъ священное клеймо
Твой сонъ, пережитой въ тѣни иного
парка.

II.

Лепестки розоватой камелїи
Облетаютъ, какъ ангелы чистые
На картинѣ Художника Вѣчнаго.
Какъ цвѣты разметавшейся яблони,
Въ дни, когда въ безпорочномъ величїи
Мы скрывались подъ своды вѣтвистые
Въ жаждѣ пламени мѣсяца млечнаго.

Прилежно посѣщалъ я университетъ
(безъ записи ходилъ и былъ пропущенъ всюду).
Тамъ лекцїи читалъ ученыхъ самый цвѣтъ.
Но эти лекцїи описывать не буду, —
Я мало понялъ въ нихъ. И, выходя на свѣтъ,
Прочитывалъ внизу анонсовъ разныхъ груду.
Одинъ заманчивъ былъ. Не будь я домосѣдъ,
Пошелъ бы въ клинику въ A.-Strasse, гдѣ privatim
Читалъ самъ К., обходъ свершая по кроватямъ.

Потомъ обѣдать шелъ различною травой
И запивалъ виномъ безалкогольнымъ крохи,
Затѣмъ всегда въ музей — привычною тропой,
И нѣмцевъ изучалъ мистической эпохи
Предъ Возрожденїемъ. Часами, съ головой,
Я погружался въ мїръ, гдѣ перспективы плохи,

Гдѣ лица такъ плоски, но тотъ же Духъ живой
Надъ бездной носится, какъ въ ночь до мiрозданья,
— И какъ надъ Русью въ дни великаго страданья.

О Русь! Вставала ты и глубже, и яснѣй,
И взоръ мой пробѣгалъ промчавшуюся зиму.
Вотъ мчусь по Невскому. Обычныхъ нѣтъ огней,
Но вслѣдъ прожекторъ шлетъ лучи неотразимо.
Навстрѣчу ни души. И тѣмъ контрастъ сильнѣй
Съ кишеньемъ кинутымъ, что, такъ неукротимо
Яряся, пѣнилось, — вливаясь все тѣснѣй
Въ строенiе-Змѣю, что выстроилъ фасадомъ
Мудрецъ на линiю, — къ Невѣ же вывелъ задомъ.

Тамъ билъ людской прибой, а между тѣмъ царилъ
Вездѣ неслыханный до той поры порядокъ.
По лѣстницѣ межъ двухъ рядовъ живыхъ перилъ
Взбираются толпой. — Загадка изъ загадокъ:
Нѣтъ давки. — А вверху всю массу растворилъ
Огромный корридоръ, и легъ толпы осадокъ

По аудиторіямъ. — И только кто курилъ
И могъ въ такой моментъ заботиться о вздорѣ, —
Торчали группами смѣшными въ корридорѣ.

Оттуда выходилъ я на широкій дворъ, —
Глухая темнота и смутное движенье:
Отъ массы дровъ съ трудомъ мой различаетъ взоръ
Людскія скопища. На смертное сраженье
Зоветъ ораторъ съ дровъ, вѣщая приговоръ
Для строя стараго. Вдругъ новое вторженье —
Толпа изъ флигеля. — Все заглушаетъ хоръ.
«Впередъ. На палачей, на жадныхъ, на богатыхъ,
«На всѣхъ пирующихъ въ украшенныхъ палатахъ».

Но жутче всѣхъ встаетъ на томъ же острову
Собранье въ зданіи, Искусству посвященномъ.
Проходимъ четверо съ подъѣзда на Неву,
Въ подъѣздѣ шапки прочь, какъ слѣдуетъ крещеннымъ
При входѣ въ храмъ, — и зримъ: Храмъ точно, на яву.
Вотъ кружки и блюда: «На ружья»! «Обреченнымъ»!
Церковный полусвѣтъ. Въ придачу волшебству
Застольный «Страшный Судъ» величье божье славитъ.

Народъ молчитъ. Дьячекъ-витія рѣчь гнусавитъ.

Мнѣ видѣть не пришлось смертей и баррикадъ,
Но помню «День свободъ». Казалось наканунѣ,
Что залъ не выдержитъ тѣснящихся громадъ;
Что вотъ, закрученный въ стремительномъ бурунѣ,
Погибнешь здѣсь, гдѣ бьетъ рѣчей живой каскадъ, —
Не прежнихъ книжныхъ словъ о Марксѣ и Коммунѣ, —
А только о дѣлахъ: — готовности солдатъ,
Объ избіеніяхъ, арестахъ повсемѣстныхъ,
О всѣхъ событьяхъ дня, дотолѣ неизвѣстныхъ.

Священною враждой былъ полонъ каждый ликъ,
И каждая рука, поднявшись, угрожала,
То высшій былъ подъемъ. То былъ единый мигъ,
Когда во всѣхъ тѣлахъ — Душа одна дрожала.
О, умереть бы такъ, — въ предсмертный выливъ крикъ
Всю месть, что днесь Страну въ одномъ напорѣ сжала, —
Какъ былъ бы твой конецъ прекрасенъ и великъ!
— Въ тотъ часъ у башни верхъ повисъ, напоромъ согнутъ,

И чудилось: вотъ-вотъ и основанья дрогнутъ.

На утро въ залъ входилъ я рано, и лучи
Играли на стѣнахъ и пѣли: «Разрѣшилось».
Еще не собрались судьбины ковачи,
Но чувствовалъ, кто былъ, что важное свершилось.
Все прибывалъ народъ. Какъ стадо саранчи —
На площадь хлынувши — предъ зданьемъ копошилось.
И, выбившись изъ силъ:
«Туда, гдѣ палачи.
«Мы тюрьмы отопремъ. Мы вскроемъ арсеналы.»
Съ балкона рѣчь вели къ народу генералы.

V.

Въ воспоминаніи моемъ встаетъ пробѣлъ,
И пала на глаза мои въ тотъ день завѣса.
Не сѣтуйте: о томъ, чего я не воспѣлъ,
Освѣдомила васъ во время оно пресса.
— О многомъ духъ мой въ дни германскіе скорбѣлъ
У Вейденскихъ «Волхвовъ» иль Бёклинскаго «Лѣса».
Но и музейному сидѣнью есть предѣлъ, —
Я шелъ въ кафе, гдѣ «матчъ» играютъ юный нѣмецъ,
Надежда націи, — и наглый иноземецъ.

Однообразно дни смѣнялися мои,
И былъ всегда одинъ я въ городѣ почтенномъ:
Я слѣдовалъ словамъ: «Скрывайся и таи.

«И душу созерцай въ молчаніи священномъ»!
Я взоромъ пронизалъ своей души слои,
И сверху къ глуби шелъ все болѣе смятеннымъ:
Дробили синеву поверхности струи,
Здѣсь было радостно; но вотъ водовороты;
А тамъ, у дна — темны недвижные оплоты.

Да, комнаткѣ моей въ предмѣстьѣ S. дано
Свидѣтельницей быть ночей неповторимыхъ.
— За шагомъ шагъ пришло безглазое Оно, —
Круженіе души въ средѣ вещей незримыхъ.
Который день не ѣмъ. Музей забытъ давно.
И кофе у дверей простылъ нерастворимыхъ.
Но я попалъ въ кафе (едва-ль не чрезъ окно).
Играю въ шахматы. Ходовъ сплетенье числю.
Что жъ дѣлать, если фактъ былъ предвосхищенъ „*Мыслью*“)*.

По улицѣ иду и слышу ровный шагъ
По гулкой мостовой, и чую — это кто-то
Ходить мнѣ повелѣлъ, — то мой заклятый врагъ
Меня поработилъ, какъ жалкаго илота.
Я содрагаюсь весь, — но поздно. Жадный магъ
Смѣется весело: удачная охота....
И помню, силы я послѣднія напрягъ.

*) «Мыслью», разсказомъ Леонида Андреева, напечатаннымъ въ 1902 году.

И, воротясь, пишу съ усильемъ непокорнымъ
Рядъ писемъ, — языкомъ наврядъ-ли разговорнымъ.

Отъ бодрствованья сонъ не могъ я отличить,
И чувство времени исчезло въ дни безумья.
Но путеводная не обрывалась нить:
Я видѣлъ все вокругъ, и помню каждый шумъ я.
Я даже понималъ, что слѣдуетъ лечить
Меня, и адресомъ: «A. - Strasse, sechs» — въ раздумье
Хозяйку ввергнулъ я. Заставилъ поспѣшить
Ее жилецъ сосѣдъ. И вотъ она доноситъ
Въ полицію и взять помѣшаннаго проситъ.

Вошелъ я въ кухню разъ. И помнится мнѣ плачъ
На обликъ мой глаза раскрывшаго ребенка.
О, что я надъ собой продѣлывалъ, палачъ!
Какъ тѣло я терзалъ свое и зло и тонко!
То не людской былъ бой. То былъ гигантовъ матчъ.
А ставкою была несчастная душонка,
И тѣло легкое и скользкое, какъ мячъ....
Такъ былъ я людямъ радъ, забрать меня вошедшимъ,
Что въ мигъ прикинулся (хитрецъ я!) сумасшедшимъ

И принятую роль я до конца сыгралъ.
Въ каретке ѣдемъ. — Путь, хоть застилали шторы,
Я зналъ; спокоенъ былъ; — но иногда оралъ —
Для виду. Тонко велъ съ врачемъ переговоры:
— «Наслѣдственности нѣтъ?» — «Не первый умиралъ
«У насъ въ роду больнымъ душевно. Были воры
«И пьяницы». — А вы? — «Я память потерялъ
«Еще въ гимназіи»,
Такъ лгалъ я, не краснѣя,
Въ надеждѣ дѣйствовать на доктора сильнѣе.

И вотъ въ кровати я межъ множества больныхъ.
Кто въ бѣломъ колпакѣ, — всѣ въ курткахъ полосатыхъ.
Межъ ними вижу я забравшихъ власть иныхъ,
Одѣтыхъ въ желтое, высокихъ и усатыхъ.
(То были пфлегера; помѣшанными ихъ
Я счелъ неправильно). О, міръ умовъ богатыхъ!
Потусторонній міръ!
— «Professor,» вдругъ: «bin Ich»,—
Мнѣ сообщилъ одинъ: «Und d'bist mein Schüler».
Прытче,
Чѣмъ мысль родилась, я: «Professor, kennen's Nietzsche?»

Я думалъ: я въ другой, гдѣ нѣтъ преградъ, странъ;
Гдѣ всякій вѣчно живъ, — пусть для людей онъ мертвый,
Не здѣсь ли Ницше самъ? — Но не отвѣтилъ мнѣ
Профессоръ, на своей постели распростертый.
— Тогда отдался я нахлынувшей волнѣ —
Съ морей, чья глубина лишь мѣрою четвертой
Измѣрится. Встаютъ знакомые вполнѣ,
Родные образы. И въ мірѣ искаженномъ
И друга и врага я видѣлъ отраженнымъ.

У царства русскихъ сновъ есть несомнѣнный царь.
И вотъ онъ здѣсь, ко мнѣ плыветъ, сложивши руки.
Плыветъ. Бросаетъ свѣтъ магическій фонарь
На блѣдныя черты въ невыразимой мукѣ.
Оковы на рукахъ, скрещенныхъ какъ и встарь;
Всѣ жесты связаны. Исчислены всѣ звуки.
Онъ жертва, падшая на траурный алтарь.
Онъ скованная мощь, отвергшая боренья,
Покорно чуждыя пріявшая воленья.

Вотъ скованъ, какъ и царь, — плыветъ. другой, — плыветъ
Я узнаю его по маскѣ неподвижной:
Жилецъ волшебныхъ мѣстъ, зарывшійся какъ кротъ,

Съ великаго поста въ песокъ разсады
книжной.
И рядомъ чья-то тѣнь безсонно стережетъ,
Да не преступитъ онъ порога непостижно
Страны безмѣрныхъ мукъ, немыслимыхъ
высотъ...
Вдругъ рвется онъ — и тамъ. Съ его ужас-
нымъ ликомъ
Встрѣчаюсь — и дрожитъ бэдламъ, при-
вычный къ крикамъ.

VI.

Хоть встрѣча тамъ была, да крикъ то
мой былъ здѣсь
И тотчасъ съ криками попрыгали боль-
ные;
Со злобной радостью отдѣлъ *спокойныхъ*
весь
Посылалъ провожать меня въ мѣста иныя.
«Въ овечьей шкурѣ волкъ! Скорѣй обратно
влѣзь
«Въ нарядъ природный твой. Тебѣ друзья —
шальные!
«Ступай наверхъ — и тамъ ужъ на досугѣ
взвѣсь
«Дѣла твои, что къ намъ тебя втолкнули
въ крѣпость,
«Твою отчаянность, и хищность, и сви-
рѣпость.»

Стояло на верху кроватей шесть всего
Въ покоѣ для больныхъ «особо безпокой-
ныхъ».

Пять лицъ, ужасныхъ лицъ, тамъ ждали моего
Перемѣщенья къ нимъ — всѣ въ позахъ непристойныхъ.
—Платоновъ антихтонъ! Блаженны тѣ, кого
Личины только здѣсь, а лики въ хорахъ стройныхъ
Высоко надъ землей величатъ Божество. —
—Но та душа навѣкъ отмѣчена, проклята,
Чья маска въ жизни, — тутъ чей *ликъ*. Имъ нѣтъ возврата.

Недѣли долгія я пребывалъ въ аду,
Среди кошмарныхъ грезъ, пророческихъ видѣній,
И много новаго запомнилось въ бреду,
Гдѣ взоръ смотрѣлъ насквозь обычныхъ огражденій.
— Читатель, я тебя въ тотъ міръ не поведу. —
Избѣгнешь дьявольскихъ нестройныхъ навожденій.
Но мимо одного кошмара не пройду,
И выложу его такъ точно на бумагѣ,
Какъ въ потрясенный мозгъ его вложили маги.

Мнѣ чудилось: летитъ зеленая Земля —
Не вѣкъ — миріады лѣтъ одной стезей заклятой.
И на большомъ пути туда переселя,
Себя хоронишь ты, ея верченьемъ сжатый·

Къ чему нужны волшбы сѣдой учителя,
Разъ за Четвертымъ власть беретъ державно Пятый,
И рабство горшее опутаетъ поля,
И нивы, и луга, и города, и храмы. —
Разъ княжатъ надъ землей поочередно Хамы.

Семь долгихъ царствъ — Семь смѣнъ. Мигъ смѣнъ для мятежа
Опредѣлилъ намъ ТОТЪ, кто надъ князьями властенъ.
Ихъ краткіе часы — какъ узкая межа,
Какъ путь, что ни къ чьему владѣнью не причастенъ.
И ищутъ на землѣ, мгновенья сторожа,
Сѣдые вѣдуны того, кто такъ несчастенъ,
Что жертвой долженъ пасть. Его влекутъ дрожа,
И въ бездну сброшенъ онъ стремительнымъ размахомъ.
И смотрятъ: принята ль ихъ жертва; смотрятъ съ страхомъ.

Спадаетъ пелена пространственности съ глазъ,
И видимъ звѣздный міръ во всемъ его объемѣ.
Кометы ширятъ хвостъ, и солнца, какъ алмазъ,
Планеты, какъ опалъ въ жемчужномъ водоемѣ.
Земля летитъ, крутясь и увлекая насъ,
И жертва близъ нея, и кружится въ истомѣ
Неслыханныхъ скорбей и мукъ живой разсказъ.

И слышенъ мнѣ кругомъ злорадный, тихій шепотъ:
«Да, какъ же, отлетитъ! Какъ будто первый опытъ!»

И вижу: много душъ въ эфирной пустотѣ
Скользятъ вокругъ Земли въ безвластномъ притяженьѣ.
Расторгнуть связь нельзя. А дальше, въ высотѣ
Иныхъ свѣтилъ и жертвъ такія же круженья.
— Когда жъ пройдутъ вѣка, — (ни мысли, ни мечтѣ
Ихъ недоступенъ счетъ, — и нѣтъ изображенья
Для мощности числа, что выражало бъ тѣ
Періоды вѣковъ), — тогда вдругъ разомъ рухнутъ
Всѣ тяги; связи всѣ, — и солнца всѣ потухнутъ.

Еще одинъ кошмаръ: въ пещерѣ прячусь я;
Глубоко подъ землей моя пещера скрыта.
Къ ней сверху нѣтъ пути, — засыпаны края,
Жерло, глядѣвшее на Божій свѣтъ, зарыто.
Но вдругъ, въ священный мракъ нахальный свѣтъ струя,
Сквозь землю хлынула въ мой погребъ эремита
Существъ огромно-злыхъ гигантская семья.
И, мускулистую протягивая руку,
Ихъ вождь воззвалъ, — бѣ гласъ подобенъ грома звуку.

«Мы дѣти Сатаны и Хама. Наша кровь
«Даетъ намъ надъ землей права наслѣдной власти.
«Намъ незнакомы Тотъ, молитвы и любовь;
«Насъ зажалилъ огонь, и насъ сковали страсти.
«Иди за нами. Знай, что много вновь и вновь
«Предречено торжествъ и празднествъ нашей Кастѣ.
«Къ неистовымъ пирамъ себя ты приготовь.
«Дай жизнь порочнымъ снамъ, тобой въ тиши любимымъ,
«И съ нами звѣздный путь свершай неколебимымъ!»

VII.

Я помню дни, когда весеннимъ залиты
Бывали солнцемъ мы, картины и кровати.
Меня будилъ и свѣтъ, и говоръ, и цвѣты,
Что приносила мать болящему дитяти.
Оглядывалъ тогда я скорбныя черты
Пришедшихъ съ воли къ намъ для горестныхъ объятій.
— И около себя не видѣлъ пустоты.
И мнѣ въ минуты тѣ звучалъ бодрящій голосъ.
И съ недугомъ-врагомъ все существо боролось.

Отъ начала вселенной донынѣ
Въ этомъ мірѣ страстей и суетъ

Не слыхали о большей святынѣ,
Чѣмъ родимой младенцу привѣтъ.

Заведетъ ли клейменая нежить
Въ топкій омутъ, откуда не встать, —
Зачурать, и поднять, и утѣшить,
И ободрить — способна лишь мать.

И вотъ эту послѣднюю сладость,
И предѣльную душу мою —
Я тебѣ, безпредѣльная радость,
Міровая Душа, отдаю.

Два были голоса ко мнѣ обращены,
И долженъ сдѣлать я былъ выборъ между ними;
И много голосовъ съ далекой стороны
Сливалися въ одномъ, раздѣльные съ другими,
Что были во второмъ такъ слитно мнѣ слышны.
Тянулся за *однимъ* я мыслями своими,
Въ которомъ слышалось (пусть вамъ слова смѣшны):
«Ты тонкая игла средь массы студенистой;
«*Своею тяжестью пройдешь* ты путь тернистый».

Такъ поправляюсь я, и вотъ уже брожу
Межъ благовонныхъ розъ по маленькому саду.
И въ каждой мелочи житейской нахожу
Мнѣ незнакомую до этихъ дней отраду.

Съ больными весело знакомство завожу,
И тайны слушаю, когда въ бесѣдку сяду
Вдвоемъ съ однимъ изъ нихъ. И радостно слѣжу,
Какъ у садовника въ рукахъ растетъ, огроменъ,
Вѣнокъ. «Зачѣмъ? Кому?» — «Herrn Hauptarzt best' Wilkommen!»

VIII.

Однажды въ комнату (былъ полденъ) чья то тѣнь,
Полуоткрывши дверь, со страхомъ заглянула,
Изчезнувъ въ тотъ же мигъ. А мнѣ мѣшала лѣнь
Подняться встрѣчу ей съ раскинутаго стула.
Одна со мной была на слѣдующій денъ:
Предчувствіе меня отнюдъ не обмануло. —
Теперь твердитъ оно: «Довольно. Здѣсь одѣнь
«Все, что пришло потомъ, въ туманныя воали.
«Нѣтъ интереса тамъ, гдѣ мѣста нѣтъ печали».

КОНЕЦЪ.

инв. MKIV-36937

29 MAR 1948

Цѣна 50 коп. 2

Складъ Изданія
при печатнѣ Т./Д. И. М. Энъ-Янковъ и К°.
МОСКВА, Тверская, Благовѣщенскій, 3.